

Александр

Гарцев

ЗОЛОТО

БЕРЕГ

18+

Александр Гарцев
Золотой берег

«Автор»

2026

Гарцев А.

Золотой берег / А. Гарцев — «Автор», 2026

Фантастический роман писателя Александра Гарцева «Золотой берег» — это захватывающий триллер о том, что происходит с человеком в мире, где все потребности удовлетворены. Это история о вечном выборе между добром и злом, о цене прогресса и о том, что настоящие сокровища не хранятся в сейфах — они живут в наших сердцах. Фантастический роман писателя Александра Гарцева "Золотой берег" - это также книга и о том, что даже в мире абсолютной сытости в душе человека иногда просыпаются древние атавизмы — алчность, жадность, готовность к злу. И о том, что только любовь и жертва способны победить эту тьму. Добро пожаловать в мир, где души имеют цену, а золото умеет плакать.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Несколько терминов из 2126 года.	7
Персонажи	8
Глава 1. Ноль и Единица	10
Глава 2. Душа на вес	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Гарцев

Золотой берег

От автора

Будущее внутри нас

Не надо быть провидцем, чтобы сказать: «Будущее наступит».

Мы окружим себя технологиями, способными перемещать горы, лечить болезни, управлять погодой, создавать искусственный разум.

Мы расселимся по планетам, мы научимся говорить со звёздами, мы когда-нибудь победим смерть — но мы останемся людьми.

Мы всё те же люди, что вышли из пещер сто тысяч лет назад. Те же звери в человеческом облике, те же боги в цепях собственных страстей.

И это не парадокс. Это трагедия.

Французский мыслитель эпохи Возрождения Мишель де Монтень писал: «Нет ничего более чудовищного, чем человек, который не знает самого себя». Мы создали империи и разрушили их. Мы открыли законы физики и использовали их для убийства. Мы придумали слово «прогресс» и превратили его в идола, которому приносим в жертву души. Мы, как Прометей, украли огонь у богов, но не научились согреть им сердца.

В моей повести «Золотой берег» я показал мир, где все потребности человека удовлетворены. Нет голода, нет войн, нет болезней. Искусственный интеллект управляет обществом с математической точностью. Казалось бы — утопия. Рай. Эдем, построенный руками человека. Но в этом идеальном мире просыпается Экзор — древний атавизм, та самая песчинка зла, которая живёт в каждом из нас. Люди, имеющие всё, начинают жаждать того, что принадлежит другим. И не просто жаждать — убивать ради этого. Зачем?

Потому что сытость не лечит душу.

Итальянский философ Джамбаттиста Вико писал о циклах истории: «Человеческие общества рождаются, процветают и умирают, но порок остаётся всегда, потому что он — тень добродетели». Мы думаем, что мы эволюционируем. Мы думаем, что становимся лучше. Но зло не исчезает, оно меняет форму. В первобытном мире зло было голодом и страхом. В средневековье — жестокостью и невежеством. В нашем мире, в мире зло стало алчностью. Безграничной, бессмысленной, холодной алчностью.

Великий русский писатель Фёдор Достоевский, который знал о человеческой душе больше, чем все психологи вместе взятые, предупреждал: «Если Бога нет, то всё позволено». Но он также знал и другое: даже если Бога нет, человек всё равно несёт в себе образ Творца. Мы созданы по образу и подобию не физически — духовно. Наша природа двойственна. Мы — арена, на которой вечно борются ангелы и демоны. И нет никого, кто мог бы решить за нас этот спор. Ни Синтро, ни искусственный интеллект, ни идеальное общество не могут сделать выбор за человека.

Антуан де Сент-Экзюпери, который знал цену одиночеству и ответственности, сказал однажды: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Но мы забыли об этом. Мы приручили всю планету. Мы приручили космос. Мы приручим даже время. Но мы не хотим нести за это ответственность. Мы хотим брать, не отдавая. Мы хотим жить, не умирая. Мы хотим любить, не жертвуя. Это и есть главное зло нашего времени — бегство от ответственности.

Советский писатель Андрей Платонов, самый пронзительный и самый горький из всех, оставил нам завещание: «Жизнь — это мгновение, но человек должен сделать это мгновение вечностью через любовь». Вот он — ключ. Не через власть, не через деньги, не через техно-

логии. Через любовь. Любовь — это единственная сила, которая способна остановить Экзор. Любовь — это единственный свет, который не гаснет в самой глубокой тьме.

Итальянский живописец Караваджо, великий мастер светотени, писал свои полотна так, что в каждой картине было больше тьмы, чем света — но именно этот контраст делал свет божественным. Мы боимся тьмы, но именно в ней свет виден лучше всего. Наше будущее не будет безоблачным. Будущее всегда освещается только изнутри. Из наших душ.

Мы думаем, что будущее наступит завтра. Или через сто лет. Или в 2126 году. Но будущее наступает сейчас. В каждом нашем слове, в каждом поступке, в каждом мгновении. Когда мы выбираем прощение вместо мести, мы создаём будущее. Когда мы выбираем щедрость вместо жадности, мы строим новый мир. Когда мы плачем о чужой боли, мы становимся людьми.

И в этом смысл бытия — не искать ответы, а стать самим ответом.

Добро существует, и будет существовать. Жизнь продолжается. Свет побеждает тьму. Не потому, что мы сильнее. А потому, что мы любим.

Света всем нам. И светлого выбора.

Автор

Несколько терминов из 2126 года.

Язык будущего — это язык предельной точности, лишенный метафор, но полный сложных сокращений и эсперанто-корней. Вот несколько терминов, с которыми читателям предстоит встретиться и которые будут определять общество 2126 года:

Синтро (Sintro) — от "Sintezo de Intrigo" (Синтез Интриги).

Значение: Высший орган управления солнечной системой. Это не люди и не чистый ИИ. Это гибридный разум, состоящий из трехсот самых выдающихся умов человечества, чьи нейроимпланты соединены в единую сеть. Синтро не приказывает, а «резонирует» — создает частоту вероятностей, в которую общество встраивается добровольно. В повести Синтро выступает как «немой судья» — он не мешает преступникам, пока те не нарушают «Гармонию Вероятностей».

Экзор (Exzoro) — от "Ekstera Zorno" (Внешнее Зерно).

Значение: Ментальный атавизм. Термин, которым обозначают «ошибку прошивки» в человеческом мозге, доставшуюся от предков. В 2126 году доказано, что зло не является сущностью, это — «звуковой резонанс» определенных нейронных связей, которые активируются при скуке. Экзор — это та самая грязная песчинка в механизме сытости, когда все остальные желания исполнены.

Глиссада (Glissada) — от "Glissada" (Скольжение) в эсперанто.

Значение: Процесс умерщвления сознания. Вместо смертной казни в солнечной системе применяют «Глиссаду» — стирание личности с полным сохранением биологического тела. «Овощ» — это просторечие. Человек после Глиссады становится идеальным работником или реципиентом для органов, но его душа (по субъективным ощущениям) уходит в те самые галактики, где она превращается в золото. Ирония судьбы: преступники убивают других, чтобы получить золото, а Синтро приговаривает их к Глиссаде, превращая их самих в «живое золото» для системы.

Тенерион (Tenerion) — от "Tenera" (Нежный) и "Iono" (Ион).

Значение: Топливо для перемещения между измерениями. Это не вещество, а состояние поля. В повести открытие героя основано на том, что он нашел способ «расчесывать» струны времени. Тенерион — это «золотая пыльца» между мирами. Именно через него коллеги ученого находят способ убивать людей из других галактик, не прикасаясь к ним физически, а просто «выщипывая» их жизненную энергию.

Кор-Фари (Kor-Fari) — от "Koro" (Сердце) и "Far'i" (Делать/Путь).

Значение: «Предел личной ответственности». Это этический закон будущего. Гражданин имеет право на всё, что не нарушает поле Кор-Фари другого гражданина. Парадокс повести в том, что жители далекой галактики не являются гражданами Солнечной системы, поэтому юридически их убийство — не преступление. Но нравственно — это крах всего Кор-Фари. Главный герой ломает этот закон, признавая равными всех мыслящих существ.

Персонажи

Арсений Вячеславович Касаткин (36 лет).

Портрет: Высокий, сутулый, с вечно взлохмаченными русыми волосами. Носит старомодные очки (ретро-стиль), хотя зрение у него идеальное — это его «щит» от мира. У него теплые, но очень усталые глаза.

Биография: Родился в семье инженеров на спутнике Юпитера — Ганимеде. Его мать погибла при терраформировании из-за человеческой ошибки (кто-то поленился проверить клапан). С тех пор Арсений одержим "абсолютной точностью". Он верит, что если всё рассчитывать, смерти не будет. Его открытие — это попытка доказать, что смерть — это просто переход, а не конец.

Речь: Тихая, вкрадчивая, но с железными интонациями, когда он злится. Любит использовать термины эсперанто, но поясняет их метафорами («Экзор — это как заноза в пальце, которая чешется, даже когда руки чистые»).

Мотив: Не допустить, чтобы его открытие стало орудием убийства, как когда-то халатность убила его мать.

Элиза Витольдовна Ран (42 года).

Портрет: Идеальная женщина будущего. Серебристые волосы, стальные глаза, всегда в белом костюме. Она куратор института и "мать" проекта.

Биография: Воспитанница Синтро. Она не помнит своих родителей — её растил ИИ. Она считает себя «улучшенной» версией человека. Лишена эмпатии, но обладает гениальной логикой.

Речь: Отрывистая, приказная. Никогда не говорит «я», только «мы» или «институт».

Мотив: Она видит в золоте способ расширить власть Синтро на всю галактику. Она готова пожертвовать «неполноценными» (жителями той галактики) ради эволюции своей системы.

Дмитрий Кузьмич "Димон" Савельев (28 лет).

Портрет: Коренастый, бывший спортсмен, любитель выпить (в мире будущего это синтетический алкоголь без калорий). Весь в татуировках (редкость).

Биография: Аутсайдер, который попал в институт по блату. Он не умен, но очень практичен. Для него "золото" — это способ улететь на курорт Венеры и забыть о своей никчемности.

Речь: Жаргонная, просторечная. Он единственный, кто говорит на "старом русском" с матом.

Мотив: Чистая алчность и страх бедности. Он боится, что Синтро его удалит, если он не принесет пользу.

Лина (Эндрю) Нэйви (39 лет).

Портрет: Андрогенный гений. У них изменчивый пол (стандартная практика 2126). Худой, с асимметричным лицом. Носит всегда черное.

Биография: Транс-человек, заменивший 60% мозга на импланты, чтобы быстрее мыслить.

Речь: Монотонная, как у робота, но в кризисных ситуациях — срывается на истерику, показывая, что "человек" внутри ещё жив.

Мотив: Любопытство ученого. Они хотят понять механизм превращения души в золото. Им все равно на жизни, важна формула.

Ари (Голос Синтро).

Портрет: Отсутствует. Это просто сияющий шар в зале суда.

Характер: Беспристрастный до ужаса. Он дает слово Арсению, но не для того, чтобы спасти его, а чтобы посмотреть на "Экзор" в действии.

Мотив: Сбор статистики для улучшения управления.

Валера (Механик). Старый друг Арсения. Предупреждает его о слежке. Погибает в середине повести от рук наемников Ран.

Глава "Той" галактики (Телепатический образ). Существо по имени Кси-Тэо, которое связывается с Арсением через сны, показывая ему, что они — не животные, у них есть поэзия и дети.

Прокурор. Безымянный функционер, который требует для Арсения Глиссады (стирания памяти).

Глава 1. Ноль и Единица

20 мая 2126 года, 06:47 по времени Нептуна. Орбитальная станция «Гелиос-7», Институт Вселенских Проблем. Сектор Когнитивной Физики.

Арсений Касаткин стоял у панорамного окна и смотрел, как Нептун медленно вращается внизу, огромный, холодный, синий. Кто-то когда-то сказал, что он похож на глаз утопленника. Арсений помнил эту фразу из старого романа — он любил древнюю литературу, ту, что ещё пахла бумагой и человеческой болью. Сейчас люди читали через нейро-линзы, вживляли тексты прямо в кору, но Арсений хранил в каюте три книги. Настоящих. С пожелтевшими страницами. Мать подарила.

За спиной тихо гудели квантовые процессоры. Лаборатория просыпалась. Стеклопанельные коридоры станции «Гелиос-7» уже наполнились первыми голосами — кто-то смеялся над голограммой новостей, кто-то заказывал синтетический кофе через встроенный в запястье интерфейс. Запах озона и стерильной чистоты. Идеальный мир. Идеальное утро.

Арсений провел ладонью по стеклу. Отражение смотрело на него усталыми глазами. Тридцать шесть лет. Русые волосы, вечно взлохмаченные — он принципиально не пользовался нано-расчёской, считая это излишним насилием над природой. Очки. Старомодные, с тонкой металлической оправой, без диоптрий. Просто щит. Когда мир давит, можно поправить переносицу и сделать вид, что ты отгородился стеклом.

— Арсений Вячеславович, вы сегодня раньше обычного, — произнес мягкий голос системы. — Статистика вашего сна зафиксировала дельта-ритмы низкой интенсивности. Рекомендую витаминный комплекс.

— Отстань, Ари, — буркнул Арсений, хотя знал, что голос Синтро не обидится. — Я просто не мог уснуть.

— Тревожность повышена на семнадцать процентов по сравнению со средним значением за месяц.

Арсений усмехнулся. Конечно, повышена. Как иначе, если ты стоишь на пороге открытия, которое может перевернуть всё, что человечество знало о времени и пространстве? Или наоборот — оказаться ошибкой, багом, глюком системы, который сотрут через неделю, и никто не вспомнит. Ему снилась мать. Это всегда был плохой знак. Она стояла в том самом ангаре на Ганимеде, в белом скафандре, слишком лёгком для такой работы, и улыбалась. А потом клапан. Всего один клапан, который кто-то забыл проверить. Разгерметизация — это красивое слово, за которым стоит ужас. Взрыв, вакуум, секунда агонии, тишина.

Арсений сжал челюсти. Хватит. Прошло двадцать два года. Пора бы уже научиться не просыпаться в пять утра с этим комком в горле.

Он прошёл по стеклянному коридору, и его шаги отдавались эхом. Пол под ногами был прозрачным, и под ним, в трёх уровнях ниже, кружились потоки данных — золотые, синие, зелёные нити информации. Институт Вселенских Проблем был сердцем Солнечной системы. Здесь решали, как жить дальше, когда у тебя есть всё. Здесь не было голода, войн, болезней. Синтро позаботился об этом ещё лет пятьдесят назад. Каждый гражданин получал базовый доход, доступ к образованию, искусству, путешествиям.

И всё равно люди скучали.

Арсений часто думал об этом. Почему, когда у тебя есть абсолютно всё, ты начинаешь хотеть того, чего нет у другого? Это и есть тот самый Экзор, о котором шептались в кулуарах. Атавизм. Ошибка прошивки. Какая-то древняя нейронная цепь, доставшаяся от пещерных предков, активируется в моменты полного благополучия. Как зуд в ампутированной конечности. Ты знаешь, что ноги нет, но она чешется.

Арсений вошёл в свою лабораторию. Сектор Когнитивной Физики находился на самой окраине станции, там, где за тонкой стеной начинался открытый космос. Здесь было тихо. Тусклый свет, терминалы, обёрнутые в матовый пластик, запах перегретого металла. Собственное пространство. Его кокон.

— Включить рабочий терминал «Альфа-12», — сказал он.

Голограмма засветилась. Тысячи линий данных побежали вверх. Арсений опустил в кресло, которое помнило форму его тела до миллиметра — система подстраивалась под него каждый раз, когда он садился.

Он работал над «расчёской струн». Так он называл это про себя. Тенерион — официальный термин, но звучал он слишком сухо. А струны... они пели. Если правильно настроить прибор, можно было услышать музыку вселенной. Гравитационные волны, колебания пространства-времени, отголоски Большого Взрыва. Всё это звучало. И когда Арсений впервые услышал этот звук, он заплакал. Ему тогда было двадцать три, он только начинал свою карьеру, и профессор, старый выживший из ума гений, сказал ему: «Ты слышишь, мальчик? Это голос того, чего нет. Тебе нужно найти его».

Арсений искал пятнадцать лет.

И вот, казалось, нашёл.

Он открыл вчерашние лог-файлы. Пальцы зависли над клавиатурой. Не нужна была клавиатура, конечно — можно было отдать команду мысленно через имплант, но Арсений любил физический контакт с машиной. Так надёжнее. Так он чувствовал себя капитаном древнего корабля, который держит штурвал, а не передаёт управление автопилоту.

— Показать аномалию за 19 мая, временной слот 23:47, — произнёс он.

Голограмма потемнела. На ней появилась карта измерений. Тысячи точек, миллиарды линий, соединяющих известные пространства Солнечной системы. А в самом углу, там, где по расчётам вообще ничего не должно было быть, пульсировала едва заметная красная точка.

Арсений нахмурился.

— Анализ.

— Сигнал классифицирован как «шум», — ответил терминал. — Вероятность артефакта — девяносто девять процентов.

— Покажи спектрограмму.

Перед ним развернулась волна. Неровная, сбивчивая, но в ней было что-то... живое. Шум не бывает таким. Шум — это хаос. А здесь чувствовался ритм. Пульс.

Арсений откинулся на спинку кресла. Сердце забило чаще. Он знал это чувство — оно приходило перед открытием. Тот самый миг, когда вселенная вдруг становится ближе, когда хочется закричать: «Я понял!», но ещё боишься ошибиться.

— Это не шум, — сказал он тихо. — Это кто-то.

Он снова посмотрел на пульсирующую точку. По расчётам, она находилась за пределами наблюдаемой вселенной. Там, где кончалась известная физика. Там, где пространство сворачивалось в узлы и время текло вспять. «Мёртвая зона», — называли её коллеги. Место, куда не долетают фотоны, где законы термодинамики теряют смысл. Пустота.

Но точка пульсировала.

— Элиза будет смеяться, — пробормотал Арсений. — Скажет, что я опять перегрел процессоры.

Он представил её лицо. Серебристые волосы, стальные глаза, идеально прямой нос. Элиза Витольдовна Ран. Женщина, которую вырастил Синтро. Она никогда не ошибалась. Она была точной, как лазерный луч, и такой же холодной. Она считала Арсения «нестабильным» из-за его книг, его привычки грустить, его бесконечных разговоров о душе. Она говорила: «Ты живёшь в прошлом, Касаткин. Настоящее — здесь. Будущее — здесь. Успокойся».

Арсений посмотрел на точку. Она пульсировала всё быстрее.

Он вспомнил мать. Она стояла в лаборатории на Ганимеде, такая же растрёпанная, как он сейчас, и объясняла ему, семилетнему, как работают клапаны термоконтроля. Она говорила: «Никогда не верь расчётам до конца, Арсюша. Верь вот этому», — и она касалась своей груди там, где билось сердце. «Машина не чувствует приближения опасности. А ты чувствуешь».

Он чувствовал это и сейчас. По спине пробежал холод.

— Удали аномалию, — приказал он. — Стереть данные.

Терминал мигнул. Красная точка исчезла.

Арсений выдохнул. Вот и всё. Ошибка системы. Глюк. Завтра он расскажет Элизе о своей «ночной галлюцинации», она сделает скептическое лицо, но не скажет ни слова. Всё будет как прежде. Безопасно. Предсказуемо. Скучно.

Он уже хотел встать и пойти завтракать, как голограмма снова засветилась.

Красная точка появилась снова.

Только теперь она была ярче.

И пульсировала громче.

Арсений замер.

— Что это? — спросил он шёпотом.

— Неизвестный источник, — ответил терминал. — Рекомендую сообщить в Синтро для дальнейшего анализа.

Арсений не ответил. Он смотрел на точку, и где-то глубоко внутри него, в той самой древней части мозга, которую учёные называли Экзором, что-то щелкнуло. Он знал, что это такое. Он знал, что это не глюк. Это была дверь.

И она открывалась.

Только ему.

Арсений выключил терминал, нажав на физическую кнопку. Это было запрещено — все системы должны работать круглосуточно, — но сейчас ему было плевать. Он стоял в темноте лаборатории и смотрел на чёрный экран. Точка внутри его головы всё ещё пульсировала. Она звала его.

— Я схожу с ума, — сказал он пустоте. — Или...

Он не закончил мысль. Потому что на столе, там, где лежали бумажные чертежи его матери, появился маленький золотой слиток. Тёплый. Светящийся.

Арсений протянул руку и коснулся его.

Металл был живым. Он пульсировал, как сердце.

— Господи, — прошептал Арсений. — Что я наделал?

Он знал, что должен сообщить Элизе. Должен позвать коллег, зафиксировать явление, запустить протоколы безопасности. Но вместо этого он спрятал слиток в карман, натянул пальто и вышел из лаборатории, стараясь не смотреть в камеры.

Он шёл по стеклянным коридорам, и за его спиной красная точка на голограмме всё ещё пульсировала, пульсировала, пульсировала.

И где-то в далёкой, неведомой галактике, существо по имени Кси-Тэо открыло глаза.

Впервые за тысячу лет.

В каюту Арсений вернулся только через час. Он сел на кровать, положил золотой слиток перед собой и долго смотрел на него. Потом он открыл старую книгу, которую хранил под подушкой. «Война и мир», 1898 год издания. Толстый, пахнущий пылью том. Мать любила Толстого.

Арсений раскрыл первую страницу и написал на полях дрожащей рукой:

«Они существуют. Я знаю, что это безумие. Но они существуют. И кто-то там, за струнами, умирает. Или рождается. Я не знаю. Но я должен узнать. Только не говорите Элизе. Она не поймёт. Никто не поймёт. Даже я не понимаю».

Он закрыл книгу, спрятал золото в тайник и выключил свет.

За окном его каюты проплывал Нептун. Холодный, синий, безмолвный.
А в груди у Арсения билось второе сердце — золотое, чужое, но такое родное.

Глава 2. Душа на вес

25 мая 2126 года, 01:34 по времени Нептуна. Орбитальная станция «Гелиос-7», Сектор Когнитивной Физики. Режим «Ночной тишины».

Ночь на «Гелиосе-7» была самой опасной частью суток.

Не потому, что кто-то мог напасть или сломать систему — нет, Синтро следил за всем, и его всевидящие «глаза» в виде голографических сфер парили по коридорам, фиксируя каждый шаг, каждый вздох, каждую лишнюю каплю пота на лбу сменщика. Опасность была в другом. В тишине. Когда дневная суэта стихала, когда бесконечные отчёты, заседания, брифинги и резонансы с Синтро прекращались, человек оставался наедине с тем, что доктора называли Экзор.

Именно в эту пору — Глухую Полночь, как её окрестили обитатели станции, — в человеке просыпалось то самое древнее, звероподобное, то, что учёные безуспешно пытались выжечь из нейронных цепей уже два столетия.

Арсений хорошо знал эту пору.

Он не спал. Вместо того чтобы подчиниться приказу биоритмов и вырубиться на восемь циклов, он сидел в темноте своей каюты и смотрел на золотой слиток, который лежал на столе. Тот самый, что материализовался из ниоткуда пять дней назад.

За эти пять дней Арсений не сказал ни слова ни Элизе, ни кураторам, ни тем более всеведущему Ари — голографическому аватару Синтро, который присутствовал на каждом этаже станции в виде серебряного шара.

Трижды он подходил к утилизатору, чтобы выбросить слиток. Трижды его рука не поднималась. И не потому, что он был жаден — боже упаси, в 2126 году золото давно потеряло товарную ценность, его не использовали даже в электронике, заменив графеновыми композициями. Ценность была в другом. В самом факте. В том, что этот кусок металла пришёл оттуда. Из мёртвой зоны. Из того места, где, по расчётам, не должно было быть ничего, кроме вакуума и радиоактивного шума Большого Взрыва.

Слиток был тёплым. До сих пор. Прошло пять дней, а он не остывал. Внутри него, если приложить ухо, слышался едва уловимый гул — будто далёкая планета вращается вокруг своей оси. Или будто кто-то дышит.

— Ты просто кусок металла, — прошептал Арсений, глядя на слиток. — Ты не можешь дышать.

Слиток пульсировал в ответ. Один раз. Два. Как сердце.

Арсений поднялся с кровати. Решение пришло внезапно, как озарение — то самое, которое коллеги называли интуитивным резонансом, а старые профессора, смеясь, именовали просто — «шепотом предков».

— Я проверю это, — сказал он. — Сегодня же.

Он накинул лёгкий комбинезон, сунул ноги в антигравитационные ботинки и вышел из каюты. Коридор был пуст. Только голографическая сфера Ари парила у потолка, бесстрастно фиксируя его перемещение.

— Арсений Вячеславович, ваша активность не соответствует утверждённому графику сна, — произнес Ари голосом, лишённым всякой интонации. — Рекомендую вернуться в каюту.

— Не могу уснуть, — ответил Арсений, даже не повернув головы. — Бессонница. Пойду в библиотеку, почитаю что-нибудь скучное. «Квантовая термодинамика в применении к...» — он запнулся, подбирая слово, — к амплификациям корреляций.

Ари помолчал секунду, обрабатывая информацию. Искусственный интеллект Синтро был всемогущ, но простодушен — он не умел распознавать ложь, если ложь была построена на терминах, которые он сам же и создал.

— Утверждаю. Время пребывания в библиотеке — не более двух циклов. Нарушение режима повлечёт автоматическое оповещение Элизы Витольдовны.

— Идёт, — буркнул Арсений и свернул в боковой коридор, ведущий не в библиотеку, а в лабораторию.

Он знал каждый закоулок «Гелиоса-7», каждый вентиляционный лаз, каждый служебный проход, который не фиксировался основными камерами. Двадцать лет назад, когда он только начал работать здесь стажёром, профессор показал ему эти тропы со словами: «Запомни, мальчик. Даже в самом совершенном мире есть щели. Ты должен их знать на случай, если однажды совершенство попытается тебя сожрать». Тогда Арсений не понял. Теперь понимал.

Добравшись до двери лаборатории, он приложил ладонь к сканеру. Дверь пискнула и открылась. Внутри было темно. Только тусклое свечение резервных индикаторов и мягкий гул охлаждающих систем.

— Активный режим, — прошептал Арсений. — Молчаливый режим. Никаких оповещений.

Система, привыкшая повиноваться его голосу, отозвалась лёгким щелчком. Все датчики, которые могли бы уведомить Элизу или Синтро, были отключены. Только он и машина. Только он и тайна.

Он подошёл к главному терминалу. «Альфа-12». Его старый друг, верный и молчаливый. Арсений провёл ладонью по его корпусу — матовый пластик, слегка нагретый от внутренней работы — и шепнул:

— Расческа. Полная активация.

Терминал засветился. Голограмма развернулась в центре комнаты, заняв всё свободное пространство, как планетарий в старых музеях. Арсений шагнул внутрь голографического поля, и в следующее мгновение он стоял посреди космоса.

Это называлось Иммерсионная Визуализация — технология, позволяющая учёному буквально «нырнуть» в данные. Он мог видеть струны времени, пространственные складки, гравитационные колодцы — всё, что скрыто от обычного взгляда, становилось здесь осязаемым.

Перед ним, в центре этой искусственной вселенной, пульсировал красный узел. Тот самый. Из мёртвой зоны.

— Раскрой структуру, — приказал он.

Струны времени, до этого невидимые, начали проявляться. Миллиарды серебряных нитей, пересекающих пространство во всех направлениях, и в каждой из них — вибрация, звук, жизнь. Арсений протянул руку, и одна из нитей дрогнула под его пальцами.

И тогда он услышал голос.

Не слова. Не звук даже. Это было ощущение. Эмоция. Грусть. Тоска. Вопрос: «Кто ты?»

Арсений отшатнулся.

— Это не ошибка, — прошептал он. — Это не шум. Кто-то там... там есть кто-то живой.

Он снова коснулся струны — на этот раз смелее, глубже. И в тот же миг его сознание нырнуло в поток данных, как ныряльщик в ледяную воду. Он увидел галактику. Миллиарды светил, огромные туманности, планеты с зелёными океанами и белыми облаками. И среди всего этого — маленькая точка. Планета, окутанная золотым сиянием.

И на этой планете — фигуры. Тонкие, изящные, сотканые из света, но хрупкие, как стекло.

Он видел их всего секунду.

Потом видение схлопнулось.

Арсений рухнул на колени, судорожно хватая ртом воздух. В ушах звенело. Лоб покрылся холодным потом. Он чувствовал себя так, будто его пропустили через трансформатор высокого напряжения.

И тут он заметил, что в его руке — опять — тяжёлый, тёплый, золотой слиток. Только на этот раз не один. Несколько. Семь. Десять. Дюжина. Они материализовались прямо в воздухе и с тихим звоном упали на пол лаборатории, как дождь из мёртвых солнц.

Арсений смотрел на них, и его трясло.

— Что я наделал... — прошептал он. — Кто вы? Что я сделал?

Золото лежало у его ног, тускло поблёскивая в темноте. Оно было красивым. Оно было страшным. Потому что в его пульсе — да, в пульсе этих слитков — чувствовалось то, что он видел в видении. Хрупкие фигуры. Золотые существа. Жизнь. Жизнь, которую он сжал в своей ладони.

Арсений выпрямился. Он знал, что должен уничтожить эти слитки. Утилизировать. Забыть. Навсегда.

Но вместо этого он начал их собирать.

Он прятал их в рюкзак, в карманы, за пазуху — каждое прикосновение к металлу обжигало ладони, но он не мог остановиться. Потому что там, в глубине его сознания, жадный и холодный голос шептал:

«Ты открыл дверь. Ты можешь стать самым богатым человеком в Солнечной системе. Ты можешь править всем».

Арсений замер, сжимая в руках последний слиток.

Это был голос его Экзора. Его тёмная половина. Та самая древняя часть мозга, которая помнила пещеры, голод и страх.

Он почти поддался ей.

Но в этот момент за спиной раздался звук. Грубый, человеческий, совсем не похожий на шелест шагов Ари.

— Ну ни хрена себе, Касаткин, — произнёс низкий, хриловатый голос. — Я думал, ты тут формулы считаешь, а ты, блин, Монте-Кристо местного разлива.

Арсений резко обернулся.

В дверях лаборатории стоял Дмитрий Кузьмич Савельев — Димон, как все его звали. Коренастый, широкоплечий, с наголо бритой головой и татуировкой на шее в виде старого русского рунического символа. В 2126 году татуировки носили только отщепенцы — люди с сильным Экзором, те, кто не доверял нано-дерме и биоимплантам. Димон был именно таким. Он носил старую, выцветшую футболку, поверх которой был накинута рабочая комбинезон. В зубах — синтетическая сигарета, пахнущая ванилью.

Он перевёл взгляд с лица Арсения на разбросанные по полу слитки, потом обратно на Арсения, и на его губах медленно расцвела саркастическая улыбка.

— Слушай, — сказал Димон, делая шаг вперёд, — я, конечно, не учёный и в ваши струны не вникаю. Но это, — он кивнул на золото, — это ж я так понимаю, контрабанда? Серьёзный срок? Элиза тебя за такие фокусы лично в Глиссаду отправит. Или ты... того? — он постучал пальцем по виску. — У тебя Экзор взыграл, да?

Арсений сжал кулаки. Слиток в его руке был всё ещё тёплым.

— Димон, — сказал он тихо, стараясь, чтобы голос не дрожал, — ты ничего не видел.

— Ага, — усмехнулся Димон, доставая сигарету из рта. — Ага, конечно. Ты мне сейчас скажешь, что это искусственный графен для эксперимента? Ну-ну, Касаткин. Я тупой, но не настолько. Я видел, как ты это достал. Из воздуха. Там, где минуту назад ничего не было. Я не знаю, что ты открыл, но это не просто золото, да? Это что-то другое.

Димон подошёл ближе и, наклонившись, поднял один из слитков. Провёл пальцем по его поверхности, задумчиво хмыкнул.

— А он тёплый, — сказал он с удивлением. — Как живой.

Арсений шагнул к нему, намереваясь выхватить слиток, но Димон легко увернулся. Для своего роста и комплекции он был на удивление ловким.

— Не рыпайся, — сказал Димон, поднимая свободную руку в жесте, означавшем «стоп». — Я не доносчик. Ты меня знаешь. Я таких, как Элиза, терпеть не могу. Синтро этот... тьфу, — он сплюнул в сторону, совершенно игнорируя стерильность лаборатории. — Бездушная машина. А ты — ты другой. Ты по сторонам смотришь, ты книжки читаешь, не данные глотаешь. Я тебя уважаю. Потому и пришёл.

— Зачем? — спросил Арсений напряжённо.

— А вот зачем, — Димон сунул сигарету обратно в рот и затянулся. — Ты думаешь, я случайно тут оказался? Я за тобой уже третий день слежу. Как ты просыпаешься ночью, как в стенку смотришь, как с золотом этим возишься. Я не знаю, где ты его взял, но знаю другое.

— Что?

— Твоя Элиза. Она тоже знает. Она уже запустила сканеры в твоей каюте. Она ждёт, когда ты ошибёшься. Только она думает, что ты ворует графен для чёрного рынка. А тут... — он снова посмотрел на золото, и в его глазах мелькнула искра чистого, неприкрытого интереса. — А тут что-то поинтереснее.

Арсений почувствовал, как по его спине пробежал холод. Элиза знает. Конечно, она знает. Она всё знает. Она — куратор, она связана с Синтро напрямую, она чувствует любую нестабильность, любую трещину в системе. И он, как дурак, оставил все эти следы. Золото в каюте. Аномалия на терминалах. Ночные бдения.

— Что тебе нужно, Димон? — спросил Арсений устало. — Ты же не просто так пришёл.

— Я хочу часть, — прямо сказал Димон. — Не знаю, сколько это всё стоит, не знаю, как это работает, но я хочу долю. Пять процентов от всего, что ты добудешь. И я буду молчать. Я буду твоей тенью, Касаткин. Я буду закрывать твою спину от Элизы и от этих... — он махнул рукой в сторону потолка, где парила голосфера Ари, — ...этих сверкающих колобков. Я умею обходить систему, Касаткин. Я в этом дерьме вырос. Я знаю каждого механика на станции, каждую камеру, каждый мёртвый угол. Без меня тебя поймают через неделю.

Арсений смотрел на Димона и понимал, что тот прав. Совершенно прав. У него не было союзников. Только враги в лице Элизы и равнодушная Вселенная в лице Синтро. И этот грубый, хамоватый, но преданный механик, который стоял перед ним с сигаретой в зубах и алчным блеском в глазах.

— Пять процентов, — повторил Арсений.

— Пять, — кивнул Димон. — И ты получишь всё, что я могу дать. Время, место, защиту. Я не предаю, Касаткин. У меня нет смысла тебя предавать. Синтро меня ненавидит, Элиза меня вышвырнет при первом удобном случае. Ты — моя страховка.

Арсений закрыл глаза. В голове гудел голос, всё тот же шёпот, исходящий из древней, пещерной части его мозга:

«Соглашайся. Он нужен тебе. Ты не справишься один. А золото... золото — это жизнь. Ты даёшь им жизнь? Или ты их убиваешь? Какая разница? Главное — оно твоё».

Арсений открыл глаза и посмотрел на Димона.

— Договорились, — сказал он. — Но если ты хоть слово скажешь кому-то...

— Да ладно, — перебил Димон и ухмыльнулся, показав золотую коронку на одном из зубов. — Мы же теперь партнёры, Касаткин. В этом мире партнёров не сдают. Сдают только врагов. А ты — не враг.

Он протянул грязную, мозолистую ладонь. Арсений помедлил секунду, затем пожал её. Рукопожатие было тёплым. Надёжным. Таким же тёплым, как золотой слиток в его кармане.

Димон убрал руку и, повернувшись, направился к выходу.

— Завтра в пять утра, — бросил он через плечо. — Я устрою отключение камер в твоём секторе на два часа. У тебя будет время работать без помех. Только не облажайся, Касаткин. Если Элиза узнает, нас обоих отправят в Глиссаду, и мы будем как овощи до конца жизни. А я, знаешь ли, не хочу быть овощем.

— Я тоже, — тихо сказал Арсений, когда Димон уже скрылся за дверью.

Он остался один. В лаборатории. Среди груды золотых слитков, которые пульсировали, дышали и звали его обратно в ту галактику, где кто-то жил. Или умирал. Он ещё не знал, что именно он делает. Но он знал одно — у него нет пути назад.

Арсений наклонился, поднял последний слиток и положил его в рюкзак.

Потом он посмотрел на голографическую карту, где всё ещё пульсировала красная точка.

— Кто вы? — прошептал он. — Я открою вас. Я спасу вас. Или я убью вас. Я не знаю.

Красная точка мигнула в ответ.

Словно услышала.

Арсений ушёл из лаборатории, когда часы показывали 03:12. Он знал, что у него есть всего полтора часа до того, как начнут просыпаться первые смены, и он должен был успеть спрятать золото в новом тайнике — не в каюте, потому что Элиза, по словам Димона, уже установила там сканеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.